

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. «КРОТКИЙ МАЛЬЧИК» Н. ГОТОРНА И «ЯЗЫЧНИК ВАНЬ ЛИ» Б. ГАРТА

Известно, что Америка была новой средой обитания, где началось формирование особого образа жизни, особой бытовой, политической культуры. Исследователи отмечают, что пуритане, покинувшие Англию, относились к религии как к действию, поступку и преследовали практическую цель построить в новых местах «Град на Горе» [9, с. 116]. В Новом Плимуте поселились пуритане – сепаратисты, бежавшие из Англии от преследований, в Массачусетсе – пресвитериане, в Пенсильвании – квакеры. Е. А. Стеценко заметила, что превалирование светской или духовной идеологии «накладывало отпечаток на культурную жизнь колоний и определяло направленность их литературы» [9, с. 116].

Характеризуя отчет о путешествии на «Мэйфлауэре» Э. Уинслоу и У. Бредфорда, их суждения о первых месяцах существования плимутской колонии, а также книгу У. Бредфорда «История поселения в Плимуте», (1856), Е. Стеценко обращает внимание на главный постулат Бредфорда, в соответствии с которым судьба пуританской общины и каждого ее члена predetermined Провидением и начертана в Священном писании. Однако, первые поселенцы были чужды как толерантности, так и плюрализму. Как справедливо заметил американский историк Грег Вард, «провозгласив английскую Реформацию недостаточно глубокой, пуритане поставили своей целью «очистить» протестантизм путем лишения англиканской церкви любых следов католической доктрины. Они отвергли епископов и монархию в пользу самоуправления через конгрегации».

Грег Вард цитирует Джона Уинтропа, провозгласившего Англию новым убежищем для тех, кого Господь predetermined к спасению от полного разрушения и «подобно Городу на Холме, эти земли должны послужить образцом для истинной реформации самой Англии». Грег Вард, иронично добавляет, что «следствием из представления пуритан о себе, как о Божиих избранниках было то, что неудачи для них отражали недовольство ими Бога, и потому были делом рук дьявола или его слуг» [3, с. 133]. Кульминацией этих страхов стали суды над ведьмами в Салеме в 1692 году.

В произведениях Н. Готорна в величавые события революционного прошлого в борьбе за независимость начинают вторгаться трагические мотивы деспотической нетерпимости пуритан.

Уже в новелле «Эндикотт и красный крест» можно наблюдать «характерные черточки времени». «Вблизи второго здания виднелось важное орудие пуританской власти – столб для наказания кнутом; земля вокруг него

была плотно утоптана ногами преступников, которых здесь наказывали. У одного угла молитвенного дома высился позорный столб, у другого – колодки, и, по счастливому для нашего очерка стечению обстоятельств, как раз в этот момент голова одного приверженца епископальной церкви и подозреваемого католика была причудливым образом помещена в первое приспособление, в то время как другой преступник, осушивший чашу вина за здоровье короля был прикован за ноги ко второму» [6, с. 238].

В этой новелле можно различить и первоначальный эскиз образа Эстер Принн, героини романа «Алая буква», приговоренной судом носить на своем платье красную букву, знак супружеской измены, прелюбодеяния. Эстер – жертва пуританского правосудия, которая «вследствие многих лет не только отчуждения, но и отвержения от общества», приобретает «свободу и широту мысли». Её путь – через тяжелейшие нравственные страдания к духовному росту и обогащению личности. Здесь можно говорить о трагической вине: «то, что Гегель называл трагической виной героя, есть удивительная способность жить, не приноравливаясь к несовершенству мира, а исходя из представлений о жизни, какой она должна быть... подобный герой прокладывает путь к новому состоянию мира, через страдания и гибель открывает новые горизонты человеческого бытия» [1, с. 480].

В одной из новелл Н. Готорн ставит вопрос: «Что такое вина? Пятно на душе человека... Но может ли появиться подобное пятно в результате действий только задуманных, но фактически не совершенных» [6, с. 143].

Нельзя забывать, что вся политическая власть в пуританских общинах-колониях Новой Англии была первоначально сосредоточена в руках церкви, а предки самого Н. Готорна оказались самыми суровыми судьями на «ведовских» судебных процессах 1692 г. в городе Салеме, когда по настоянию священника Коттона Мэзера, девятнадцать «сайлемских колдуний» были осуждены на смертную казнь и одна из жертв прокляла судью, в чем жители Салема увидели причину постепенного оскудения рода Готорнов.

Наблюдая фанатизм и жестокость колонистов-пуритан, Н. Готорн неизменно обращается к духовному бытию – грех и его искупление, напряженное самопознание и самообман, самоанализ, постоянная тревога за свою судьбу, моральное совершенствование.

К наиболее ярким образцам этого типа новелл принадлежит «Кроткий мальчик», действие которой относится к середине XVII века. Перед читателем история ребенка, маленького Илбрагима, чьи родители – квакеры явились жертвами преследований со стороны пуритан: отца казнили, а мать была изгнана из этих мест. Голодного и озябшего Илбрагима, рыдавшего у могилы отца, приютила пуританская супружеская пара Товий и Дороти Пирсоны. Н. Готорн использует приём «точки зрения», когда одно и то же событие, эпизод рассматривается с разных позиций. Появление шестилетнего

Илбрагима в пуританской церкви вызывает «негодование и отвращение» у почтенных мужчин и сморщенных старух, которые заворачивались поплотнее в свои порыжелые плащи, «точно тот одним своим присутствием осквернял дом молитвы». Напротив, для рассказчика он был «безгрешным небожителем, случайно спустившимся на землю, а все обитатели этого жалкого мира, затаив злобу в своих отнюдь не чистых сердцах, отстранялись от него и уберегали свои грязью замаранные одежды от его прикосновения как бы желая этим сказать: «Мы более святы, чем ты» [6, с. 52].

Н. Готорн безжалостно вскрывает жестокость официальной пуританской идеологии, когда немолодой благообразного вида проповедник, увидев мальчика, начал говорить об опасностях, которые таит в себе милосердие – добродетель, не применимая к секте квакеров, о том, что их дети жестокие и отчаянные еретики, «а тот кто протягивает им руку помощи, может сам легко оказаться в преисподней». Впоследствии мальчик станет жертвой ненависти и преследований со стороны одноклассников – пуританских детей. Готорн показывает, что и квакерам и пуританам присущ фанатизм и религиозная нетерпимость. Он отстаивает правоту внутреннего нравственного закона человечности, сочувствия и милосердия, тех качеств, выразителем которых стала жена Пирсона, пожалевшая кроткого мальчика и сумевшая заменить ему мать.

Данное произведение внутренне тяготеет к трагедийной теме. Трагична короткая жизнь мальчика Илбрагима. От природы мягкий и добрый, чуждый всякой мстительности, не умеющий постоять за себя, он не мог наказать обидчика, «на рану мог лишь ответить собственной смертью». Когда Илбрагим попытался однажды подойти к детям, они набросились на него, побивая камнями и палками, а тот, которого он так трогательно опекал во время его болезни, обдуманной подлостью подозвал к себе и ударил Илбрагима по лицу с такой силой, что кровь хлынула ручьем. Повествователь сравнивает Илбрагима с одним из тех мучеников, «которые входили окровавленными в царствие небесное... Возможно, что среди многих несчастных, тяготящихся пребыванием на этой земле «не было ни одного, кто бы сочетал в себе так разительно невинность и страдание, как это убитое горем дитя, так рано ставшее жертвой своего ангельского характера» [6, с. 66].

Известно, что в средние века трагическое выступало как мученическое, центральные персонажи – мученики. В средневековой христианской трагедии страдательное начало всячески подчеркивалось. Готорновские новеллы о пуританах приближены к символично-аллегорическим притчам, столь значимым в канонических христианских текстах. С содержательной стороны притчи «отличаются тяготением к глубинной “премудрости” религиозного или моралистического порядка». Согласно Ю. Бореву «христианская трагедия – это не трагедия очищения, а трагедия утешения, ей

чуждо понятие катарсиса» [2, с. 79]. В самом деле, трагизм Илбрагима и его матери «трогательно-мученический». Трагедией утешения проникнуты суждения повествователя: «как будто кроткий дух Илбрагима спустился с неба, чтобы научить свою мать истинной вере, как будто его ласковость продолжала оказывать свое действие и из могилы, её неукротимый и мстительный нрав значительно смягчился под влиянием того самого горя, которое когда-то доводило её до исступления... Но годы шли... Она превратилась в существо, на которое каждый мог тратить свой неиспользованный запас сочувствия» [6, с. 76].

Как и Дж. Беньян, Н. Готорн стремился, изобразив зло, показать путь к истине. Так же как и его английского предшественника, американского писателя интересовала психология героев, меняющиеся состояния души. Генри Джеймс отмечал, что самое замечательное в Н. Готорне – его стремление к глубочайшей психологии, которую он по-своему пытается разгадать: «автор чувствует себя свободно в области морали, психологической области, он идёт в разных направлениях, как человек, знающий свой путь. Его путь – это свет и скромность, но он хранит ключ в кармане» [10, с. 63–64].

Глубокое осознание антигуманности американской цивилизации ощутимо в творчестве не только Н. Готорна, но и других американских романтиков Дж. Ф. Купера и Г. Мелвилла, Э. По и Г. Лонгфелло. В творчестве этих авторов и пришедших им на смену Марку Твену и Брет Гарту отражается понимание несправедливости в отношении коренных обитателей Америки – индейцев и привезенных из Африки черных рабов. Брет Гарт по-своему изображает следующий этап завоевания Америки, уже связанный с новым фронтиром. Жизнь калифорнийских золотоискателей, съехавшихся на Запад с разных концов света, давала писателю огромный драматический материал. И место, и время иное, чем в романах Дж. Ф. Купера и Н. Готорна. Люди «49-го года» в борьбе за рудоносные участки идут на мошенничество и преступления. А. Саруханян заметила, что в Калифорнии система со своей строгой последовательностью: первыми приходят мексиканцы, открывшие месторождение ртути. По их следу идут мелкие торговцы и спекулянты, и, наконец, приходит «капиталист и Великий стяжатель, получивший контрольный пакет акций и ставший хозяином рудника» [7, с. 240]. В лице Питера Дамфи из романа «Габриэл Конрой» Брет Гарт изображает типичного дельца с хищнической хваткой: «в большинстве своем жители окраин нашей страны с пренебрежением относятся к излишней учтивости или изяществу манер, и грубость мистера Дамфи легко сходила за прямоту характера» [4, с. 110]. Брет Гарт видел, как индейцы, коренные жители, пытались отстоять свою независимость, свободу, стремились договориться с американцами, но всякий раз были обмануты. Тогда они нападали на вооруженные отряды белых, устраивали засады, почти всякий

раз терпя поражение, поскольку лозунгом американского генерала Шеридана, руководившего подобными операциями, была фраза «Хороший индеец – мертвый индеец».

Брет Гарт стал свидетелем кровавой резни, учиненной расистами в индейской резервации, где погибли, в основном, женщины и дети, мирно спавшие у своих костров. Он был единственным человеком, заклеившим убийц и потребовавшим правосудия. Редактор газеты, в которой он тогда работал, был в отъезде, и Брет Гарт напечатал на первой странице газеты гневную статью об этом страшном злодеянии.

Ненависть и отвращение к расизму заметны во всем творчестве писателя, в частности, в рассказах «Трое бродяг из Тринидада» и «Язычник Вань Ли». Он преследования белых расистов погибают калифорнийский индеец и мальчик-китаец с верным псом. Та же участь ждет китайчонка Вань Ли.

Эта история о том, как у китайского фокусника на одном из его закрытых сеансов появляется под шалью на носовом платке мирно спящий крохотный годовалый китайчонок. Присутствующие одарили ребенка деньгами, совершив акт благотворительности, расплатившись таким образом за удивительное представление. Спустя десять лет журналисту, повествующему об этом событии, пришло письмо от Хоп Сина, устроителя того памятного и незабываемого представления с просьбой пристроить мальчика к какой-нибудь работе. Автор письма, прекрасно владеющий английским и французским языками, в витиеватой и изысканной форме упрощает журналиста как «представителя христианской и высокоцивилизованной расы» помочь ребенку и, возможно, спасти ему жизнь [6, с. 113]. Эта вскользь брошенная фраза была не случайной. Приезжих рабочих китайцев лишали законных прав и «травили на всем тихоокеанском побережье» [8, с. 6]. Мальчик подрос, стал очень забавным и трогательным, со всякими смешными проделками, на груди же он всегда носил фарфорового божка, он же язычник, не христианин. Журналисту удалось устроить его в школу китайского миссионера, умного и доброго священника, «который заинтересовался мальчиком и – больше того – поверил в него» [6, с. 120]. Более того, он поселил его в семью одной вдовы, у которой была дочь чуть моложе мальчика. Эта девочка пробудила в Вань Ли отзывчивость, «которую не могли пробудить ни поучения окружающих, ни богословские проповеди» [6, с. 120]. Она читала ему вслух и, наперекор всем обычаям, повела его в воскресную христианскую школу: «Они жили тихо и мирно – маленькая христианка, носившая на круглой белой шейке золотой крестик, и смуглолицый маленький язычник, прятавший на груди уродливого фарфорового божка» [6, с. 121].

Трагический эпилог завершает повествование. В 1869 году в течение двух дней в Сан-Франциско «толпа граждан напала на чужестранцев и убила их, невооруженных, беззащитных, только за то, что они чужаки, что они другой расы, что вера у них другая, цвет кожи другой и работают они за любую плату, какую удастся получить» [6, с. 121]. В разгар этих событий журналист получил письмо от Хоп Сина, чье жилище охранялось от возможных нападений погромщиков. На полу в его комнате лежало что-то, покрытое шалью: «когда я подошел, Хоп Син быстро сдернул ее и открыл моим глазам мертвого язычника Вань Ли! Мертвого, уважаемые друзья, мертвого, убитого на улицах Сан-Франциско, в год от Рождества Христова 1869 толпой мальчишек и учеников христианской школы, закидавших его камнями... Благоговейно положив руку ему на грудь я почувствовал там, под шелковой блузой какие-то осколки... Это был фарфоровый божок Вань Ли, разбитый камнем, брошенным рукой христианского изувера» [6, с. 122].

И кроткий мальчик Н. Готорна, и язычник Вань Ли пали от рук детей, христианских изуверов. В обоих случаях им мстили за то, что они относятся к другой вере, или другой секте, как в случае с квакером Илбрагимом. Оба писателя на разном материале поднимают тему сострадания к угнетенным и преследуемым, будь то по расовым или религиозным мотивам. У Б. Гарта наличествует кольцевая композиция: живой годовалый мальчик на платке у иллюзиониста, и его мертвое тело под той же шалью в финале. Его жизнь оборвана толпой изуверов. В каждой жертве расовых и религиозных преследований Брет Гарт и, безусловно, Н. Готорн, видели людей, в данном случае детей, имевших право на жизнь и достойное существование. Трагическое в этих произведениях определяется несоответствием между истинно человеческим предназначением личности и ее реальной судьбой.

Рассказы и стихотворения Б. Гарта попали к Николаю Гавриловичу Чернышевском, находившемуся в якутской ссылке. Он писал своей жене: «Сила Брет Гарта в том, что он при всех своих недостатках, человек с очень могущественным природным умом, человек необыкновенно благородной души, и – насколько при недостаточности запаса своих впечатлений и размышлений понимает вещи – выработал в себе очень благородные понятия о вещах» [8, с. 4].

Как и Н. Готорн, Б. Гарт не разделял иллюзий своих соотечественников относительно характера американской цивилизации. Трагические ноты не могли не звучать в их творчестве, поскольку они были свидетелями и религиозной нетерпимости и расизма. Проблема трагического затем найдет воплощение у позднего М. Твена и Т. Драйзера.

Литература

1. Борев, Ю. Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Ю. Борев. – М.: Астрель, 2003. – 575 с.
2. Борев, Ю. Эстетика / Ю. Борев. – М.: Изд-во «Политическая литература», 1969. – 350 с.
3. Вард, Г. История США / Г. Вард. – М.: АСТ: АСТРЕЛЬ, 2009. – 256 с.
4. Гарт, Б. Габриэль Конрой. Роман; О. Генри. Рассказы / Б. Гарт. – М.: «Художественная литература», 1988. – 815 с.
5. Гарт, Б. Трое бродяг из Тринидада / Б. Гарт. – М.: «Детская литература», 1988. – 170 с.
6. Готорн, Н. Новеллы / Н. Готорн. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1965. – 494 с.
7. Саруханян, А. Проблема фронта в американской литературе / А. Саруханян // Проблемы становления американской литературы. – М.: «Наука», 1981. – 383 с.
8. Старцев, А. Брет Гарт и О. Генри – трудные судьбы / А. Старцев // Гарт Б. Габриэль Конрой. Роман; О. Генри. Рассказы. – М.: «Художественная литература», 1988. – 815 с.
9. Стеценко, Е.А. Хроники и описания. Формирование светской литературной традиции / Е.А. Стеценко // История литературы США. – М.: Изд-во «Наследие», 1977. – 831 с.
10. James H. Hawthorne / Н. James. – N.Y., 1879. – 141 p.